

Владимир Ашкенази:

«У МИРА ЕСТЬ ЧЕМУ ПОУЧИТЬСЯ!»

СУДЬБА ЛАУРЕАТА

Владимир Ашкенази, как всегда, стремительно вышел на сцену и своим отнюдь не торжественным видом — он был не во фраке и даже не в смокинге, а в темном костюме и белой «водолазке» — сразу расположил к себе зал: он был похож на отчаянного школьника, смело ринувшегося навстречу экзамену. Ашкенази сел за рояль, и школьник тотчас превратился в Артиста, который взял с первой минуты властной хваткой публику Большого зала Ленинградской филармонии.

Лауреат международных конкурсов имени Шопена, имени королевы Елизаветы и имени Чайковского, пианист Владимир Ашкенази спустя четверть века после того, как был вынужден покинуть родину, давал благотворительный концерт, все средства от которого передавал в фонд создания в Ленинграде памятника П. И. Чайковскому.

Как же случилось, что понадобилось четверть века для того, чтобы по достоинству оценить искусство нашего соотечественника, которому аплодировал весь мир, а от родной страны он был отлучен, и выросло целое поколение наших музыкантов, не знакомых с творчеством замечательного пианиста?..

Владимир Ашкенази самими генами был «обречен» на музыкальную профессию: он родился в семье известного пианиста, нареченного титулом «короля эстрады». В те годы, когда еще не было ни рок-групп, ни кассет с фонограммами оркестров, большие сборные концерты шли под аккомпанемент фортепиано. На эстраде царствовал Давид Ашкенази.

Володя рос в музыкальной атмосфере: в доме его родителей (хотя «дом» — это слишком сильно для шестиметровой комнаты в коммуналке, где жили трое и стояло прокатное пианино «Музтрест») постоянно бывали артисты, с которыми отец репетировал. А лет с четырех Володя пристроился играть с Давидом Владимировичем в четыре руки и читать ноты с листа. Он в этом так преуспел, что, когда однажды они с отцом пришли домой к дирижеру Ю. Файеру и тот поставил на пюпитр клавир «Щелкунчика»,

восьмилетний пианист к восторгу знаменитого маэстро с легкостью «отщелкал» самые трудные эпизоды балета. Музыкальное дарование Владимира Ашкенази не могло остаться незамеченным и привело его в знаменитую Центральную музыкальную школу при Московской консерватории.

В те годы ЦМШ еще не знала «лауреатомании», но стремление быть в числе лучших было присуще каждому ученику. Для этого существовал стимул: участие в отчетных концертах школы в залах консерватории. Отбор к ним был едва ли не более строгим, чем позднее на самые престижные международные конкурсы. Частым участником «цэзэмшовских» концертов был и Владимир Ашкенази, считавшийся одним из лучших учеников. Рядом с его именем уважительно проносили и имя его педагога Анаиды Степановны Сумбатаян. «Я думаю, что Анаида Степановна была тем человеком, который заставил меня почувствовать инструмент, сблизиться с ним», — писал как-то Ашкенази.

Конец 40-х — начало 50-х годов ознаменовались первыми конкурсными победами недавних учеников ЦМШ. Правда, победителями они стали, уже будучи студентами консерватории, но ведь завкаску-то получили в Собиновском переулке! Владимир Ашкенази был первым лауреатом еще в статусе школьника — он учился в десятом классе. Вторая премия на Конкурсе имени Шопена в Варшаве явилась большой победой юного пианиста — в те годы имена лауреатов были окружены таким же ореолом любви и поклонения, как позднее имена первых космонавтов.

В Московской консерватории Владимир Ашкенази формально числился в классе профессора Л. Оборина, но его истинным наставником был Борис Землянский — оборин-

ский ассистент. «Борис Яковлевич сделал музыку моей жизнью, потому что и для него самого она всегда была вопросом жизни и смерти», — вспоминал Ашкенази.

Второй преодоленной ступенью на пути к мастерству был Конкурс имени королевы Елизаветы в Брюсселе в 1956 году, где Владимир одержал победу в очень сильном составе участников. Эта победа открыла ему дорогу на концертную эстраду.

В сборной команде советских пианистов, готовившихся ко Второму конкурсу имени Чайковского, Ашкенази считался уже фаворитом. Я вспоминаю обстановку третьего тура, который шел в сопровождении оркестра. К финальному прослушиванию выявились два лидера — англичанин Джон Огдон и Владимир Ашкенази, их выступлений ждали с особым нетерпением. Переполненный зал был накален. Симпатии многих слушателей были на стороне англичанина. Маленький «неартистичный» Ашкенази явно проигрывал рядом с добродушным увалнем Огдоном, который при всей своей диккенсовской внешности вдруг обнаружил поистине демоническую мощь, подчинившую аудиторию.

Две первые премии увенчали состязание замечательных пианистов. После триумфальных гастролей по США и Канаде уже можно было говорить о том, что Владимир Ашкенази вошел в когорту лучших пианистов мира. Казалось, все складывалось успешно и безоблачно. Но именно на эти годы приходится самый тяжелый период в жизни Ашкенази. Тучи над его головой стали сгущаться с момента женитьбы на молодой исландской пианистке Доди Тригвассон, с которой он познакомился и подружился в классе профессора Льва Оборина. В те годы подобный брак считался предосудительным поступком и не мог не вызывать раздра-

женную реакцию официальных кругов. Ашкенази очень скоро почувствовал это. Ему стали чинить сначала мелкие, а потом и крупные пакости с оформлением его зарубежных выездов, посылали с ним в турне соглядатаев, следивших за каждым его шагом и строчивших доносы, препятствовали поездкам с ним жены.

Дело шло к тому, что Ашкенази мог стать «невыездным». А это означало для него творческую смерть. Так он стал одним из первых вынужденных эмигрантов. Чиновники от культуры отомстили ему: записи трехкратного лауреата были изъяты из магазинов грампластинок, имя его не вошло в музыкальную энциклопедию. Сестре же Владимира, Елене, тоже пианистке, было дано понять, что родственнице «невозвращенца» нечего рассчитывать на участие в международных конкурсах, двери Московской и Ленинградской консерваторий для нее оказались закрытыми, и только Гнесинский институт не убоился принять в свои ряды сестру опального музыканта.

Двадцатипятилетний пианист оказался на чужбине. К счастью, он был не один, рядом Доди, верный друг, жена, помощник и критик. С ее помощью он быстро преодолел первые ощущения растерянности, пустоты. С той поры и по сегодняшний день Доди неизменно сопровождает Владимира во всех его гастрольных поездках, она первый слушатель его новых программ, она самый строгий ценитель его творчества.

Жизнь Ашкенази сложилась счастливо. Он, правда, не имеет званий заслуженного или народного, но его имя на афише собирает полные залы в любом уголке мира.

О некоторых подробностях его жизни мне удалось расспросить Владимира накануне его ленинградского концерта. — Володя, как складывалась

твоя творческая жизнь после отъезда из Союза?

— С точки зрения организации этой жизни, трудностей практически не было. К этому времени меня уже знали в музыкальном мире и недостатка в предложениях от концертных агентств я не испытывал. Трудности были в другом — во вживании в новый мир, знакомый мне весьма поверхностно. На Западе иная шкала ценностей в отношениях между людьми, иной духовный мир. Лишь спустя несколько лет я стал постепенно понимать, что движет этими людьми, и во многом помогла мне музыка: отношение к ней, ее восприятие довольно точно характеризуют человека. Вообще вживание в другой мир — нелегкий процесс. У многих эмигрантов наблюдается значительный разрыв между ожиданиями и реальностью, и на этой почве возникает немало трагедий.

— Как сложились твои отношения с импресарио и вообще какова их роль в становлении музыканта?

— Я уже говорил, что мне не нужно было искать руководителей моих концертов — они сами искали меня. Помощь импресарио особенно нужна начинающим артистам: реклама, зал, пресса — все это способно открывать дорогу в большую концертную жизнь. Тут многое зависит от чутья менеджера. Скажем, известный Сол Юрок великолепно чувствовал музыкантов, знал, кого продвигать, чей портрет поместить на рекламном плакате под словами «Сол Юрок представляет», и очень редко ошибался в выборе тех, кто будет пользоваться успехом. Причем выбор он совершал сам, не полагаясь на мнения других. Времена таких открывателей талантов, как Сол Юрок, ушли в прошлое — сейчас музыкальную жизнь вершат крупные концертные агентства.

Мой администратор и агент Джаспер Паррот работает со мной уже более двадцати лет.

За долгое время, проведенное вместе, мы обсудили с ним великое множество тем, включая и темы, далекие от музыки.

— Ты объездил уже весь мир. Где приятней всего играть, где наиболее квалифицированная публика?

— Публика везде достаточно разбирающаяся, иначе бы она не пошла на серьезный клавирабэнд. Но думаю, что музыкальные аудитории Германии и Австрии наиболее квалифицированы. Это обусловлено исторически: музыка на протяжении многих столетий была важной составной частью жизни этих стран. Когда играешь в Германии, чувствуешь затаенное дыхание зала и точный отклик на каждый исполнительский посыл, особенно если это музыка Бетховена, Шумана или Брамса. Очень интересно играть в Японии — там весьма заинтересованная публика, великодушная организация концертов, отличные залы и инструменты.

— С какими оркестрами и дирижерами тебе приходилось играть?

— Практически со всеми лучшими оркестрами и самыми выдающимися дирижерами. Однажды даже посчастливилось играть с Караяном, одним из самых уважаемых маэстро, сделавшим так много для музыки.

Всегда с наслаждением играю с Берлинским филармоническим оркестром, с Венским, с «Концертгебау», с Лондонским. Ну и, конечно, с американскими — потрясающим Чикагским, Филадельфийским, Лос-Анджелесским и в особенности с Кливлендским — наиболее универсальным. Американским оркестрам легче живется по сравнению с их европейскими коллегами: их обильно субсидируют и отделившиеся магнаты, и мощные корпорации — из любви к искусству и в целях рекламы. А скажем, оркестр Лондонской королевской филармонии, музыкальным директором которого я

являюсь, живет на самоокупаемости. Он выступает практически без выходных дней, но музыканты, несмотря на усталость, ухитряются сохранять высокую исполнительскую форму.

— Раз уж мы заговорили об оркестрах, хотелось бы узнать, как ты стал дирижером! Ведь именно в этом качестве ты предстал перед московской публикой во время твоих гастролей с оркестром Лондонской королевской филармонии!

— Все произошло довольно случайно, хотя интерес к оркестру я испытывал с самого детства. Мне всегда доставляло удовольствие читать партитуры, но я не мыслил себя дирижером, пока однажды в Рейкьявике не пришлось заменить заболевшего дирижера, который должен был аккомпанировать Даниэлю Баренбойму. Я безумно волновался, но все обошлось благополучно. Мне очень понравилось дирижировать, и я даже взял несколько уроков у Баренбойма, одного из лучших пианистов и дирижеров. Становление в новом качестве происходило в сомнениях, в борьбе с самим собой, в отказе от оркестра и в возвращении к нему. В конце концов меня пригласили возглавить оркестр Лондонской королевской филармонии. Вскоре такое же приглашение последовало из Берлинского радио. Так я стал дирижером двух замечательных оркестров, но не перестал быть пианистом.

— Мне удалось познакомиться с твоей дискографией, насчитывающей свыше ста пятидесяти дисков и, увы, не знакомой нашим любителям музыки. Не говоря об оркестровых и ансамблевых записях, там весь фортепианный Рахманинов, Шопен, Шуман, Бетховен, Скрябин и множество другой музыки. И вот что удивительно: для каждого композитора тебе удается находить специфический, только для данного автора звук.

— Ты в самом деле заметил это? Значит, я чему-то научился. Для меня очень важно всегда почувствовать и передать стиль композитора. Я не стремлюсь показать себя, я стараюсь трансформироваться в того композитора, которого играю. Это не значит, конечно, что я мыслю себя Бетховеном, но я хочу представить себе, как играл бы он, хотя меняются времена и манера исполнения. Знаешь, живя в Москве в молодые годы, я постигал музыку Бетховена умозрительно. Совсем по-иному я стал воспринимать ее, пожив в его мире, подышав его воздухом. Дистанция в два-три столетия в данном случае роли не играет. Вживание в иной образ чувства и мысли помогло мне понять и прочувствовать, как писал этот композитор и почему именно так, а не иначе, и это, разумеется, обогатило меня творчески.

— Оказали ли на тебя влияние великие пианисты прошлого и твои современники!

— Разумеется, ведь я живу не в изолированном мире. С самого детства и по сей день мои симпатии принадлежат Святославу Рихтеру. У него свой музыкальный мир, в котором все находится в гармонии, своя планета. Этот мир убеждает, хотя у меня могут быть и другие взгляды. Причина этой убедительности в абсолютной самоотдаче Рихтера, его творческой честности, искренности. Он обладает гениальным даром всеохватности на рояле. Таких артистов мало.

— Ты отец большого и счастливого семейства. Прозвучит ли кто-нибудь из твоих пятерых детей музыкальные традиции семьи Ашкенази!

— Мой старший сын Владимир — пианист и тоже концертует. Другой сын Дмитрий учится на кларнете, а дочь Соня — на флейте. Что из них получится — покажет время.

— И последний вопрос, поскольку Доди уже выразительно поглядывает на часы. Какие чувства ты испытываешь, приехав в Союз!

— Волнение. В Москве началось мое музыкальное становление, в Ленинграде я делал первые концертные шаги. Разве это можно вычеркнуть из жизни!

Евгений НАДЕИНСКИЙ.